

Сейчас общепризнанно, что двадцатый век оказался самым трагическим в истории человечества. Он оказался не только самым трагическим, но и самым позорным. Африканизация мира происходила быстрее, чем окультуривание Африки. В сознании многих и многих людей джаз победил Бетховена.

Легко представить, что мировая культура воспитывает какое-то количество людей и делает их достаточно нравственными и законопослушными. Но какое количество? Этого никто не знает. Зато мы догадываемся, что новые поколения (новые дикари), хотя частично окультуриваются, но большая их часть пополняет ряды некультуренных людей. И тут математически ясно, что человечество постепенно дичает, а огромные технические достижения двадцатого века маскируют одичание душ.

Более того, эти одичавшие люди создают свою дику маскультуру, лишённую этического начала, которая угодна одичавшим людям и ещё больше способствует их одичанию.

Миллионы бывших неграмотных людей стали полуграмотными и втянуты в политическую жизнь. Неграмотный человек прежних времён нравственно выше сегодняшних полуграмотных людей, которыми в наш век ловко манипулировали политики. Неграмотные люди прежних времён все-таки нравственно опирались на патриархальную мораль, которую вырабатывали тысячелетиями. Полуграмотный человек покинул этот берег, но не выплыл на берег общечеловеческой культуры.

Национализм, заметно усилившийся в двадцатом веке, тоже результат одичания человеческих масс. Национализм — это когда свинья вместо того, чтобы чесаться о забор, чешется о другую свинью.

В двадцатом веке техническое развитие возглавило цивилизацию, а гуманистическое развитие осталось где-то в стороне.

Тоталитарное государство запрещает правду, но тем самым развивает тайную свободу, тайную любовь к правде. И в конце концов эта тайная свобода рано или поздно разрушает деспотию.

Современное демократическое общество со своей громадной индустрией развлечений отвлекает человека от правды, явно не запрещая ее. И это отвлечение человека от правды трагических вопросов существования в исторической перспективе более медленно, но верно разрушает челоука.

Главная задача нового века — сделать все зависящее от нас, чтобы гуманистическая культура возглавила цивилизацию, а не техническое развитие, как это происходит сейчас, когда само техническое развитие поощряется военными заказами государства и примитивными требованиями рынка развлечений. Вспомните, сначала появилась атомная бомба, а потом ее брезгливый подарок — атомная электростанция. И так во всем.

Все правительства мира должны найти в себе силу благородства ограничить свое честолюбие, чтобы привлечь к духовному управлению государством людей с наибольшим нравственным авторитетом в своей стране. Только тогда гуманистическая культура возглавит человечество и спасет его от еще большей катастрофы в грядущем. Но если катастрофа случится и часть человечества останется в живых, она, эта часть, отрезвет от религиозного потрясения. Но надо все сделать, чтобы это не случилось.

То, что я предлагаю, в конечном итоге сводится к следующему: культура играет в мировые шахматы, а политики только честно передвигают фигуры. Тоже достаточно почетно.

Настоящая культура — это религиозная заповедь в пластической форме. Она более доступна людям, чем религия в чистом виде. Но делает то же самое.

То, что я говорю, похоже на древнегипетское жре-

Новая кув. — 2000. — 6-12 марта — 122

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

КОГДА МЫСЛЬ ОПИРАЕТСЯ НА ПАЛКУ — ЭТО ХРОМАЯ МЫСЛЬ

Культура как религиозная заповедь

ство, но это не должно смущать. Развитие человечества никогда не было прямой линией. В двадцатом веке мы дважды опускались до людоедства: Сталин, Гитлер. Почему бы нам не возвратиться к власти нравственных авторитетов?

Кстати, о людоедстве. Вот мой воображаемый разговор с вождем племени людоедов.

Я: Скажите, как вы стали людоедами?

ОН: Думаю, так. Наш далекий прапрадед заметил, что человека догнать и убить легче, чем антилопу. Так и пошло с тех пор.

Я: И вам не жалко людей?

ОН: Жалко-то оно жалко, но голод сильнее жалости. А вы, так называемые цивилизованные народы, тысячами убиваете людей, и не от голода, а только чтобы обозначить свою власть. Так кто более жестокий, вы или мы?

Мне нечего было ему ответить.

Но что есть человек? Этим вопросом у нас больше всего занимался Достоевский. Нельзя не заметить, что Достоевский с особенным вдохновением и даже личным сладострастием описывает человеческую низость. И те, кто не принимают Достоевского, хотя чаще всего ссылаются на его стилистику, думаю, на самом деле смущаются этим.

В сущности Достоевский полемизирует с мировой либеральной мыслью: мол, человек сам по себе хорош, но его портят дурные социальные условия. Без Бога, утверждает Достоевский, человек почти всегда плох или ужасен. Или человек покоряется воле Бога, или живет по личному, чаще всего подлому своеволию.

Достоевский хорошо знал себя, боялся собственного своеволия и все творчество

посвятил борьбе с человеческим своеволием.

Удивительно, что до сих пор, насколько я знаю, ни один критик или философ не написал книги «Маркс и Достоевский».

По Марксу, человек запрограммирован своим экономическим местом в обществе. По Достоевскому, человек, если он не верит в Бога, — существо, стремящееся к своеволию, совершенно независи-

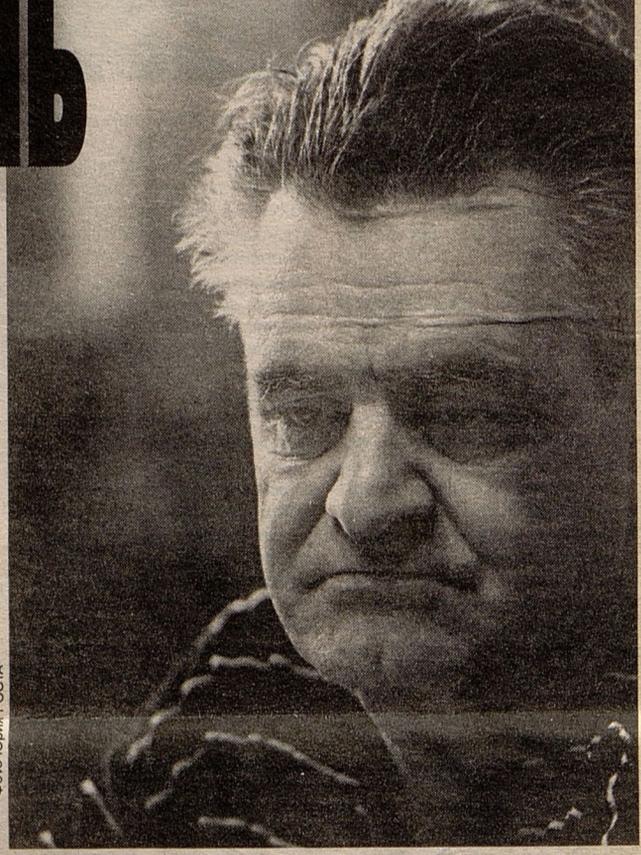
Платон считал, что идеальным государством должны управлять философы. Ленин, конечно, знал Платона. Начав строить свое идеальное государство, он всех философов выслал из страны. Вот что такое своеволие!

Теперь несколько слов о нашей литературе. В советской литературе после сталинского периода дети и внуки репрессированных большей талантливостью полностью победили детей и внуков репрессированных. Хотя дети и внуки последних ни в чем не виноваты, им неоткуда было взять этическую энергию пер-

В литературе этическая пустота непременно приводит к эстетическим изыскам. И это ясно почти физиологически. Под давлением смысла слово делается тугим, трудным для обработки вне прояснения смысла. Без давления смысла слово делается дряблым, поддается любым изгибам. Вот мое отношение к новейшим модным направлениям в литературе.

...Слишком пристальное внимание к сосуду из которого пьешь, всегда есть снижение внимания к тому, что пьешь.

...Мудрость Пушкина: человек неисправим, но его

можно умиротворить. Отсюда грандиозная гармония Пушкина. Героическое пренебрежение этой мудростью со стороны Толстого и Достоевского: человека во что бы то ни стало надо воспитать! Отсюда грандиозная страсть.

...Человека ударили по лицу, и откинулась голова человечества!

...Иногда люди улыбаются друг другу, чтобы соразмерить улыбки.

...Степень погружения в комфорт равна объему вытесненной мысли.

...Когда мысль опирается на палку, никому не приходит в голову, что это хромая мысль.

...В Европе крепкие напитки прихлебывают, а в России всегда пьют залпом. Марксизм тоже Россия выпила залпом, пока Европа его пригубляла. В России пьют залпом, потому что не уверены, что у них не отнимут напиток, пока они его будут прихлебывать.

Но вот у нас демократическая Конституция, а народ продолжает пить залпом. Значит, еще не очень верит в нее.

...Юмор — громкоотвод безумия.

Фото Юрия РОСТА